

В. В. КОЛЕСОВ

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ПРИЗНАКИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Диалектное членение на восточнославянской территории устанавливалось постепенно, определяясь основными изменениями языковой системы. Современные диалектные зоны в своем окончательном виде сформировались относительно поздно, после XIV в., и потому современный диалектный материал ограничен в своих возможностях реконструкции ранних стадий членения. В этом случае полезнее оказываются исторические источники.

Признаки диалектного членения разнообразны по степени их важности. Приступая к рассмотрению просодических диалектных различий, определим их значение для диалектологии: как различительные признаки современных диалектов они второстепенны по своему значению, поскольку позволяют выделить только очень крупные диалектные зоны; однако просодические изоглоссы обладают большой объяснительной силой, поскольку акцентные особенности связаны сразу с несколькими уровнями диалектной системы, что позволяет объективно увязать разнообразные, иногда как будто случайные, факты и объяснить причины диалектного изменения. Таким образом, акцентные расхождения — сюжет исторической, а не описательной диалектологии.

Самое раннее диалектное членение по акцентным признакам на восточнославянской территории можно обнаружить еще до фонологической утраты редуцированных, т. е. до второй половины XII в. В связи с фонологизацией новоаккутовой интонации (возникла в результате оттягивания ударения с последующего слога) прежнее противопоставление (старой) восходящей и нисходящей интонаций на долготах нейтрализовалось, и поэтому в двусложных формах возникло колебание ударения между первым и вторым слогом слова; например, вместо прежних *дѹма* и *дырѹ* могли появиться новые акцентовки *дѹмѹ* и *дырѹ*, на основе чего возникала акцентная дублетность. В прежней системе характер интонации определял тип акцентной парадигмы: восходящая давала неподвижное ударение на корне (тип *a*), нисходящая — подвижное ударение (тип *c*), а отсутствие тона на корневом слоге давало последовательно конечное ударение (тип *b*). Поскольку в новой системе эти типы акцентовок и интонирования совместно стали противопоставляться новой баритонезе с новоаккутовой интонацией корневого слога, наметилась неопределенность в их выражении, и эта неопределенность еще до изменения редуцированных привела к обобщению какого-то одного из дублирующих друг друга типов. Исторический материал в сопоставлении с данными современных говоров показывает, что непроеизводные (в большинстве своих форм — двусложные) имена в древнерусском дали первое, достаточно крупное диалектное членение: на южнорусской (resp. украинской) территории возникло колебание между накоренным и подвижным ударением, на севернорусской территории (resp. территории современных севернорусских говоров) после некоторого, не очень длительного периода соревнования между новой подвижностью и

новой окситонезой победила тенденция к подвижному ударению, на средне-русской территории (геср. территории современных южнорусских и белорусских говоров) разные типы конечного ударения вытеснили прежнюю подвижность¹. Таким образом, на основе интонационных преобразований наметилось противопоставление «окающей» зоны «акающей». Все последующие изменения акцента шли в начатом направлении и привели к современному распределению — например, на русской территории: подвижность, противопоставленная баритонезе, — на севере; окситонеза, противопоставленная баритонезе, — на юге.

Следующее, более дробное в территориальном отношении диалектное разграничение просодических признаков связывается с падением редуцированных. В это время у восточных славян утрачиваются интонационные различия, сменившись противопоставлением по количеству («долгота — краткость»). Это и привело в конечном счете к утрате ъ, ь как фонем, не входивших в фонологическое противопоставление по данному признаку; с этим же связаны и процессы межслоговой ассимиляции гласных, в конечном счете приведшие к изменениям безударных гласных. На основе количественных преобразований происходит новое диалектное членение. С одной стороны, завершается процесс формирования акцентных парадигм на новых основаниях (теперь в него включились и краткосложные корни), с другой стороны — диалектные тенденции начинают распространяться и на многосложные слова, потому что количественные отношения характеризуют не два соседних слога (подобно интонационным), а все фонетическое слово в целом.

На некоторых примерах попробуем показать характер и направление диалектного варьирования в позднем древнерусском языке — в той мере, в какой это позволяют обоюдные показания современных говоров и исторических источников.

2. Схематическое соотношение различных акцентных типов полных прилагательных в их территориальном варьировании можно представить так, как это показано в табл. 1.

Производные от имен типа *a* дают новое для них конечное ударение только на севере, ср.: *дикий* Д. 646² — *дѣкие* Каз. 102 б, также *дѣкой* Пск., Зал. — *диѣбѣ* Новг., Печора К. 395, но и Т. *Долгѣй* В. 3136 и *дѣлгово* В. 2866 — *дѣлгой* Фл. 173; *долгѣй*, *долгѣя* в Пин., Пск. во всех пунктах Атласа, также в белорусском. *Малѣими* Пр. 1436 — *мѣлыми* 148^г, в украинском XVII в. *малѣй*, *малѣя* и др.³, совр. укр. *малѣй*, белорусск. *малѣй*. *Тѣхѣ* Леч. 36, *тѣхѣмъ* 252 — *тѣхѣ* У. 133, ср. колебание в белорусских и в русских диалектах: *тѣхѣй* Т — *тѣхѣй*, *тѣхѣ*, *тѣхѣя* Пуд., Пск., Пин., Вятск. (Мат. IX). *Тѣлѣй* В. 294, Леч. 596, *тѣлѣ* Леч. 99, 145 (но в Леч. также *тѣлѣтую* 90) — с более обычным ударением на корне; в XVIII в. у москвича Хераскова *тѣлѣй* — у Ломоносова *тѣлѣѣ*, *тѣлѣѣхъ*, в современных диалектах — ю.-в.-р. *тѣлѣй* (орловские, смоленские, тамбовские, тульские, курские, калужские, пензенские, воронежские говоры, см. ДК, 3, 4, 10, 11) — с.-в.-р. *тѣлѣй* (архангельские, вологодские, вятские, костромские, печорские, мезенские, владимирские, олонечские, тобольские, частично псковские говоры, см.

¹ Подробно древнейшие диалектные расхождения рассмотрены в кн.: В. В. К о л е с о в, История русского ударения. I — Именная акцентуация в древнерусском языке, Л., 1972.

² Список использованных материалов см. в конце статьи.

³ Здесь и ниже древнеукраинский материал дается по исследованиям З. М. Веселовской (ср., например: З. М. Веселовская, Наголос у східнослов'янських мовах початкової доби формування російської, української та білоруської націй, Харків, 1970).

Таблица 1

Производные	Др.-русск.	Др.-укр.	С.-в.-р.	Ю.-в.-р.	Укр.	Белорусск.
От имен типа <i>a</i>	<i>малый</i> <i>сѣний</i> <i>толстѣй</i>	<i>малый</i>	<i>малый</i> <i>сѣний</i> <i>толстѣй</i>	<i>малый</i> <i>сѣний</i> <i>толстѣй</i>	<i>малый</i> <i>сѣний</i> <i>товстѣй</i>	<i>малы, малы</i> <i>сѣни</i> <i>толсты</i>
От имен типа <i>b</i>	<i>бѣлый</i> <i>чѣрный</i>		<i>бѣлый</i> <i>чѣрный</i>	<i>бѣлый</i> <i>чѣрный</i>	<i>білый</i> <i>чѣрный</i>	<i>бѣлы</i> <i>чѣрны</i>
От имен типа <i>c</i>	<i>молѣдѣй</i> <i>нагѣй</i> <i>тѣрдѣй</i> <i>худѣй</i>	<i>нагѣй</i> <i>тѣрдѣй</i> <i>худѣй</i>	<i>молѣдѣй</i> <i>нагѣй</i> <i>тѣрдѣй</i> <i>худѣй</i>	<i>молѣдѣй</i> <i>нагѣй</i> <i>тѣрдѣй</i> <i>худѣй</i>	<i>молодѣй</i> <i>нагѣй</i> <i>тѣрдѣй</i> <i>худѣй</i>	<i>моладѣй</i> <i>нагѣй</i> <i>худѣй</i>

Мат. и ДК), в ср.-в.-р. некоторые колебания, ср. *толстѣй* и *толстѣй* во владимирских и костромских говорах (Мат. I, II, ДК 11). Северные говоры дают еще *милѣй*, *милѣя*, *правѣй*, *пешиѣй*, *старѣй*, *чистѣй*, а в северных рукописях находим *вода быстраѣя* Ав. 2166 — ср. *быстрое* Пал. 506, *слабѣй* Сб.0: 241 и др.

Относительная устойчивость накоренного ударения у производных от имен типа *b* обычна только при долгом корне. Краткосложные имена дают колебание ударения на всей русской территории, диалектные записи показывают акцентовку *босѣй*, *вдовѣй* *голѣй*, *добрѣй*, *зеленѣй*, *новѣй* и вместе с тем *бѣсѣй*, *едѣвѣй*, *гѣлѣй*, *дѣбрѣй*, *зелѣнѣй*, *нѣвѣй*. Однако лишь северные рукописи обычно отражают наконечное ударение такого типа, ср. *борзѣй* Нв. 405, *босѣмѣ* Кор. 167, *вдовѣя* Кар. 38, *на голѣй земли* Уст. 706, *скорѣй гнѣѣ* Пч. 85, *теплѣй* Кар. 1: 332, *тощѣе сердце* Леч. 105 и др.; наконечное ударение при долгом корне регистрируется только в северных говорах, ср. *белѣй* в вологодских и некоторых сибирских говорах (Мат. II, IX), *белѣя* Вологодск. (ДК 11, 92), в Пин.: *бѣлый*, *бѣлого*, но *белѣя*, *от белѣй муки* (все ю.-в.-р. говоры дают накоренное ударение), *хитрѣя*, *хитрѣе* Пин. и Пск., *мертѣй* и *лѣтѣй* в диалектных записях Ончукова и А.М.Селищева, наконечное ударение некоторых форм жен. рода в слове *глупѣя*, *глупѣе* (но *глупѣй*) отмечено в архаических псковских и сибирских говорах (это слово может иметь наконечное ударение и на юге, ср. Т., но там наконечное ударение характеризует все формы слова). Характерно, что наконечное ударение возможно только в тех словоформах, которые должны были его иметь в эпоху образования полных прилагательных: ср. им. падеж ед. числа муж. рода *бѣлой* из *бѣлѣѣ* с новоаккутовой интонацией корневого слога, но род. падеж ед. числа жен. рода *белѣй* из *бѣлѣѣ* с сохранением ударения производящей основы⁴. Таким образом, с.-в.-р. говоры частично сохраняют древнее место ударения в словоформе. Поскольку обобщения ударения по морфологической парадигме, подобно южновеликорусским говорам, здесь долгое время не происходило, следует думать, что в с.-в.-р. зоне ударение было характеристикой не слова, а словоформы. Вместе с тем исходное акцентное распределение сохраняется здесь преимущественно при долгом корне. По-видимому, именно долгота корневого слога препятствовала выравниванию ударения, образуя тем самым новый тип подвижности.

По правилу исходного распределения производные от имен типа *c* должны были давать последовательное конечное ударение; оно представ-

⁴ Последовательность соответствующих изменений описана в кн.: Ch r. S. St a n g, Slavonic accentuation, Oslo, 1965, стр. 103.

лено в большинстве памятников, причем последовательнее, чем в современном литературном языке. Исключения опять-таки касаются северных рукописей, см. *глоуѣхѣ* (вин. падеж мн. числа) Кар.1: 255, *гоустѣю* Леч. 166, *дрѹгий* Ст.15; *младѣе* Кор. 128 б, в Нв.: *молбды* 517, *молбдыхъ* 572, «посласта *молбды* люди 491, ср. еще *младѣми* Леч. 117 (здесь же *молдбго* 86, *молдбѣ* 94, *молдбѹ* 926), при последовательно окончательном ударении этого слова в ю.-в.-р. памятниках (Пал., Гз., Сг., Дс., Пв. и др.), то же соотношение в современных говорах — ю.-в.-р. и литературное ударение *молдбѣ* (Т., Мат., ДК, Атл.), а на севере — рефлекс новоаккутовой интонации корня *молбдѣй* в онежских, пинежских, пермских, новгородских и других говорах (Мат., Пск., Пин. и др.); *нагова* В. 162 (но *нагбѣ* В. 208) и *наговѣ* Ав. 207, в ю.-в.-р. только *нагбво* (Пал.10); *нѣмѣй* Уст. 198 и *нѣмбѣй* В. 836 и последовательно окончательное ударение в ю.-в.-р. (колебание *нѣмѣй* в украинском XVII в.); *прбстѣй* Кч. 4276, *к прбстѣи чади* М. 309 (но здесь же: *в прбстѣмъ* 283, *прбстѣмъ* 314), *в прбстѣи дни* Кч. 4366 и др., но в Дс.: *прбстѣй* 76, *прбстѣго* 1806, *прбстѣ* 1786 и т. д., что соответствует современному ю.-в.-р. ударению (ДК 3, 10, 11) — но *прбстѣй* Пин., а так же Т. и некоторые подмосковные говоры; *слѣпѣмъ* Ст. 20, но *слѣпѣѣ* Ст. 32 при накоренном ударении в Пр.: *слѣпѣхъ* 146, *слѣпѣмъ* 138 и под. Отличие между современным с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорами заключается в характере колебания: на юге колебание возможно между отдельными словами, на основе чего образуется чисто семантическое их различие [например: *рбднѣй* (по крови) — *роднѣй* (по родству)]⁵; на севере сохраняется различие ударения в словоформах одного слова, например, в Пин., *густѣй* — *густѣѣ*, *дрѹгой* — *дрѹгбго*, *лихѣй* — *заревѣла лихѣмъ матомъ*; в Бел.: *молдбѣй* 12, 68 — *молдбдому* 10, *с молдбѣмъ* 522 и проч., тут же род. падеж ед. числа *нагбѣй*, но в муж. роде *нагбго* (165, 304). Накоренное ударение обычно в формах им. и вин. падежей ед. числа муж. рода, в вин. падеже ед. числа жен. рода, в им. и вин. падежах ед. числа ср. рода и в им. и вин. падежах мн. числа всех родов — т. е. там, где и ожидалось бы исконное ударение на корне (кроме формы им. падежа ед. числа муж. рода, на которую могли воздействовать формы вин. падежа ед. числа). И в данном случае с.-в.-р. говоры не провели выравнивания ударения в пределах парадигмы; большое число отклонений связано с тем, что производные от имен типа *с* только в очень редких формах получали новоаккутовую интонацию корневого слога.

Рассмотрение суффиксальных имен прилагательных ограничим образованиями на *-ѣн* и *-ов*, потому что производные с долготными суффиксами исторически очень устойчивы в своей акцентуации и диалектных расхождений не дают.

Производные от имен типа *а* фактически не дают никаких отклонений от ожидаемого ударения на корень, ср. *дѣѣмнѣй*, *сѣѣлнѣй*, *рѣѣбнѣй*, *берѣзовѣй*, *горбѣховѣй*, *лѣѣповѣй* и т. д. Только современные с.-в.-р. говоры отражают некоторое стремление к окситонезе, но оно выражено не вполне определенно, ср. *в дѣѣмнѣхъ избушках* Пин., *сѣѣлнѣй* Пск., Вологодск. (Мат. III, V, ДК 11), *чуднѣѣ* Перм. 255.

Производные от имен типа *б* должны иметь исконное ударение на корне, но в рукописях мы обнаруживаем множество отклонений: *бѣднѣмъ* М. 217 — *бѣднѣмъ* Др. 5076, *к дверѣмъ гробнѣмъ* Д. 29, *над гробнѣми* Д. 286, М. 2846, *о гробнѣхъ* М. 78 — *грбнѣй татѣ* Св. 1716, *грбнѣхъ* Гз. 179, также *грбнѣѣ* М. 2846, *громнѣго* (огня) Нв. 594 — *стрѣѣлы грбнѣй* Св. 2006, *грѣѣшнѣхъ* Кор. 626. — *грѣѣшнѣхъ* Пв. 256, 1016, *дворнѣй*

⁵ Характер такого типа словарных расхождений в ю.-в.-р. говорах описан в статье: А. А. Данилов, О смысловозначительной и форморазличительной роли ударения в русских говорах, «Уч. зап. Череповецк. гос. пед. ин-та», III, 1962, 2.

Нв. 628 — *дворныя люди* Сим. 240, на *денную стражу* М. 1216 — *дѣннаго края* П. 1916, без *конныхъ людей* Курб. 186, Пал. 107, *красная пустыня* (вин. падеж мн. числа) Псл. 836 — *красныя* Об. 354, Св. 264, *леднаго* Нв. 5836 — *ледный град* Каз. 236, *личной нечистоты* Зап. 189, *личную нечистоту* Леч. 78, 139, о *чистотѣ личной* Леч. 28, *личноѣ* Леч. 626 — *красота личная* Пч. 123, *личною* Фл. 246, на *мѣсто лобнѣмъ* Сб. 0:111 — *лобное* Пал. 260, *мечную кончину* М. 289, *мечное* М. 40, 311, *мечному* М. 122 — *мѣчное* Фл. 986, *мѣчную* Фл. 143, *мѣчнымъ* Пал. 158, *речной* Леч. 1006, *рѣчная* Леч. 99, *рыбы рѣчной* Леч. 101, *рѣчные* Леч. 1546, *речную* Леч. 616, *водою речною* Леч. 168 — *рѣчная* Др. 258, *рѣчныхъ* Зап. 1356, *рѣчную* Пс. 158, *сонная* Сб. 0: 202, *жены сонной* Леч. 13 (также ю.-в.-р. Пал.: *сонную* 155, *сонная* 128) — *сонное* Лапт. 8426, *соннымъ* Пч. 1096 (наконечное ударение и в современных с.-в.-р. говорах: *сонной* Пин., в записях Бел.: *сонной* 131, *сонного* 22, в *сонномъ* 502, *сонная* 540 и под.), *цвѣтъ травный* Пч. 119, Сб. 0: 2856, *травного* Леч. 736, *травныхъ* Леч. 636 — *травный* Пв. 1226, *трубного* Сб. 0: 1146 — *трубный* Каз. 63, Фл. 215 и др. Здесь указаны только исключения из ожидаемого распределения — на общем фоне правильного ударения. Однако важно, что наконечное ударение регистрируется только с.-в.-р. рукописями, показания которых совпадают в этом с современными с.-в.-р. говорами.

Равным образом, исконное наконечное ударение у производных от имен типа с лучше сохраняется в памятниках северного происхождения, тогда как южнорусские источники дают уже новое ударение на корне (ниже приведены все случаи отклонения от старого распределения, и все они связаны с ю.-в.-р. источниками). *Волостные люди* Нв. 598 — *вѣстное* Об. 428, *воротной крестъ* В. 168 — *воротная* Х. 764, *гнусную пропасть* Сб. 0:17 — *гнүсного* Курб. 161, *грозный* Зап. 26, *грозная* Нв. 615, *грозную* Нв. 578 — *грѣзный* Пв. 1336, *грѣзного* Сб. 23:366, *грѣзнымъ* Курб. 105, *земному* Сб. 0:141, *земныхъ* Уст. 646 — *зѣмному* Сг. 148, *зѣмныхъ* Каз. 161, *зубной* Леч. 151, *зубную* Леч. 141 — *зѣбный* Св. 217, *лесные* Леч. 846 — *лѣсные* Ас. 91, *мрачный* Ст. 47 — во *мрачней пещере* Пв. 15, *мутною водою* Леч. 1016 — *мѣтнаго моря* Хр. 3136, *ручнымъ* Сб. 0: 2036, *ручныхъ* Леч. 1446 — *рѣчнымъ* Св. 348, *рѣчными* Пс. 106, *рѣчными* Ул. 2216, *странной* Зап. 346, *странныхъ* Зап. 736, от *странныхъ* Сб. 0: 376 — *сторонние* У. 756, *странныхъ* Дом. 110, *странными* Сб. 23: 326, *страшной* В. 192, *страшный* Нв. 5826, *страшного* Зап. 44, на *страшнѣмъ* Зап. 61, *страшныхъ* Нв. 581, *страшную* Нв. 578, *страшное* Нв. 584, *страшнымъ* Нв. 5796 — *страшный* Об. 325, Гз. 226, *страшного* Об. 274, в *страшный день* Гз. 1096, 1156, *страшное* Св. 252, *страшного* Св. 2396, *страшныхъ* Об. 3016 и др., современные с.-в.-р. *страшной* Пин., колебание между *страшный* и *страшной* в древнеукраинском и в современных украинских говорах.

Аналогичное положение у производных на -ов-. Имена прилагательные, восходящие к окситонированным производящим основам, различаются в с.-в.-р. и ю.-в.-р. зонах, ср.: с *мукою бобовою* Леч. 776 при обычном в этом памятнике ударении *бобовой* и др., *волловый рогъ* М. 3126 — *волбыхъ*⁴. 45^б, Курб. 1176 и др. (но *воловыя писцы*. Ул. 2586), *дворовой члѣкъ* В. 3386 (в другом почерке *дворовой человекъ* В. 3596), *дворовыхъ* Дс. 80 — *дворовой* Дом. 926, В. 303, Дс. 57; *ключевое* Зап. 111, 225, *ключевого* Зап. 156, *ключевые* Зап. 225, *ключевое* Зап. 225, также *ключевое* И. 586 ювр. рукописи, в которой обычно исконное ударение *ключевое* И. 4, *ключевого* И. 12, *ключевые* И. 4 и мн. др.); *мочевая вода* Леч. 173 — *мочевую воду* Леч. 102, *воды мочевые* Леч. 876; *прудовая* Пал. 1196, *прудовую* Пал. 1016, *прудовое* Ул. 2246, *прудовымъ* Пал. 836 — *прудовой* (рыбы) Леч. 101 и *прудовая рыба* Леч. 99; *прутовая рыба* Дом. 74, 836 — *прутвая рыба* Дс. 6, 586, *сѣмоваго*

мѣла Леч. 100 — *сомбвая печень* Леч. 98; *о столовѣм обиходѣ* Дс. 566 — *о столбовомъ обиходѣ* Дом. 46; *холщевые* Зап. 66 — *холщовые* Дс. 151. В этом случае с.-в.-р. рукописи выделяются более последовательным сохранением исконного ударения на суффиксе (подтверждается и современным диалектным ударением типа *бобѣый, верхбѣый, громбѣый, крестбѣый*), а также смещением ударения на корневой краткий слог или столь же факкультативным смещением ударения на окончание в случае, если корневой слог долг; таким образом возникает отношение *дворѣый* — *прудѣый* при возможном сохранении старого ударения *дворѣый* и *прудѣый*. Характер колебаний, отмеченных в ю.-в.-р. памятниках, несколько отличается от этого распределения, ср. колебания между Дом. и Дс. в одном и том же тексте Домостроя (обе рукописи отражают аканье): здесь никогда не возникает накоренное ударение.

У производных от имен типа с обычным и широко распространенным является закономерное ударение на окончании (*береговѣый, боковѣый, вѣковѣый, вѣсовѣый* и т. д.), исключениями являются акцентовки на суффиксальном гласном, ср. *в меду варѣвомъ* Зап. 164, *(о) домбвых* (зверях) Леч. 86 — такое ударение в отличие от закономерного *домовых* встречается еще и в XVIII в., например, у В. Тредиаковского, в современном литературном разграничиваются *домѣый* (от *дом*) и *домовѣый* (мифическое существо), в диалектах — разграничение по акцентному признаку, ср. ю.-в.-р. *домовѣый* Т. — с.-в.-р. *домѣовой, домѣвая* Белоз. 17; колебания, характерные в XVII в. для с.-в.-р. говоров, свойственны в то же время и украинскому языку. Постепенное семантическое расхождение можно проследить и на других словах данного типа, ср. по данным Леч.: с относительным значением *дубѣвая* 132, *о омельѣ дубѣовой* 28, 132, *дубѣвое* 132, *дубѣвые* 132, с притяжательным значением *дубѣвымъ листомъ* 1726, *корень дубѣый* 132, *листвие дубѣе* 132, *из листвія дубѣаго* 139; новое ударение на суффиксе регистрируется и в диалектах (Т., Мат. VI и т. д.), обычно наряду со старым, ср. *садѣе яблоко* Нв. 6056, *садѣвые* Леч. 80, *садѣвыѣ* Леч. 80, что совпадает с современным с.-в.-р. *садѣовой* Перм. 274, *садѣвых* Перм. 305, тогда как в ю.-в.-р. наблюдается колебание между *садѣый* и *садѣой* Т.

По существу, производные с -ѣи- и производные с -ов- последовательно уже довольно рано различались по результатам акцентного выравнивания: совпадения по говорам касаются только таких форм, которые когда-то включали в себя одни редуцированные, например, *дѣньиѣи*; отсюда следует, что все остальные расхождения между говорами можно датировать временем п о с л е п а д е н и я р е д у ц и р о в а н н ы х. У производных с -ѣи- акцентное выравнивание типов *а* и *ѣ* по типу производных от с в средневековых русских диалектах было не общерусской, а севернорусской тенденцией. Напротив, в южнорусских говорах производные обобщали накоренное ударение, совпав в этом с производными от имен типа *ѣ*, ср. древнерусское и современное с.-в.-р. *голоднѣый* и новое ударение ю.-в.-р. и литературное *голднѣый*. Причина такого выравнивания на юге — в фонологизации новоакутовой интонации, которая стала основанием морфологических и морфонологических выравниваний. На севере же рефлексy этой интонации имели чисто фонологические последствия, например, дали фонему *ѣ*; морфонологическим средством на севере стала другая просодическая единица — количество.

Схематически противопоставление производных прилагательных в их территориальном варьировании можно представить так, как это показано на табл. 2.

Таким образом, общерусская тенденция заключается в акцентном противопоставлении производных и непроизводных имен друг другу — при общей неподвижности их ударения: все представленные типы унифи-

Таблица 2

Производные	С.-в.-р.	Ю.-в.-р.
с -ьн- от имен типа а от имен типа б от имен типа с	<i>сильный</i> (<i>си́льный</i>) <i>бѣдный</i> <i>дѣбрный</i> <i>гну́снѣй</i> <i>мѣстнѣй</i> развивается ак- центный тип В	<i>сильный</i> <i>бѣдный</i> <i>дѣбрный</i> <i>гну́снѣй</i> <i>мѣстнѣй</i> развивается ак- центный тип А
с -ов- от имен типа а от имен типа б от имен типа с	<i>ра́ковый</i> <i>прудо́вѣй</i> <i>дѣврѣвѣй</i> <i>дубѣвѣй</i> <i>домо́вѣй</i> развивается ак- центный тип Е	<i>ра́ковый</i> <i>прудовѣй</i> <i>дѣврѣвѣй</i> <i>дубовѣй</i> <i>домовѣй</i> развивается ак- центный тип В

кации предлагают неподвижность, независимо от того, есть ли это постоянное ударение на корне (тип А), на суффиксе (тип Е) или на окончании (тип В). Однако реализуется эта тенденция различным образом. На севере побеждает старый тип производных от подвижных имен с конечным ударением для образований с -н-, противопоставляясь баритонезе образований с -ов- (тип Е и отчасти А). На юге, напротив, образования с -н- дают устойчивый тип А, образования с -ов- — тип, связанный со старыми подвижными производящими основами.

Описанное здесь разграничение связано, в частности, с тем, что прилагательные с суффиксом -ьн- в обеих системах воспринимаются как акцентологически непродуцированные имена, противопоставляясь образованиям с -ов- как определенно производным. По этой причине имена с -н- дают однообразный акцентный тип (либо А, либо В) независимо от происхождения, тогда как имена с -ов- сохраняют некоторое расхождение в акцентовке (например, на севере: *ра́ковый* — *дѣврѣвѣй* — *домо́вѣй*). Производные с долготными суффиксами, которые здесь не рассматриваются, сохраняют исконные акцентные отношения, поскольку их акцентовка не связана с результатами фонетических следствий падения редуцированных. В таком случае последовательное выравнивание акцента у производных с -ьн- следует связывать со столь давним изменением, как падение редуцированных, а расхождения в типе образований с -ов- с более поздними и до конца не завершенными изменениями, имеющими другую причину. Если на юге наблюдается простое отталкивание от типа на -ьн- (*дворовѣй* — *дѣбрный*), то на севере характер колебаний определяется гласным предударного слога: исконная долгота этого слога препятствует оттяжке на него ударения (тип *прудо́вѣй*), исконная его краткость такой оттяжке способствует (все последующие типы таблицы 2, начиная с *дѣврѣвѣй*); это реализация старой фонетической тенденции перенесения ударения к началу слова — в тех случаях, где это было возможно. Таким образом, на севере количественные противопоставления были тем условием, которое ограничивало действие морфонологических выравниваний.

3. Некоторую аналогию этому находим у суффиксальных существительных; типы преобразований этих имен схематически можно представить так, как это показано на табл. 3 (тип С — подвижное ударение).

Приводимые ниже примеры относятся только к указанному типу, поскольку лишь они дают диалектное варьирование на русской терри-

Таблица 3

С суффиксом	Производные		
	от имен типа <i>a</i>	от имен типа <i>b</i>	от имен типа <i>c</i>
1. <i>bc</i>	A (> B)	A (с кратким) > B C (с.-в.-р.)	B
2. <i>ьstv</i>	A (> с.-в.-р. B, C)	A > B (с.-в.-р. C)	B
3. <i>ьn</i>	A (> с.-в.-р. C)	A (> B с долгим)	B или C
4. <i>ьk</i>	A (> с.-в.-р. C)	A (с кратким) > B C (с долгим)	B или C
5. <i>ost</i>	A (> C ?)	A (C с кратким?)	A или C (с.-в.-р.)
6. <i>ež</i>	A	?	B (> E)
7. <i>in(a)</i>	A (> B с.-в.-р. > C ю.-в.-р.)	E	B (> E) (> с.-в.-р. A)
8. <i>nĭk</i>	A (> с.-в.-р. B)	A (> с.-в.-р. B)	B (> церк.-слав. A)
9. <i>in(a)</i>	A (> с.-в.-р. B)	E (> A с долгим)	E (> A и B)
10. <i>ic(a)</i>	A (> E)	E	E

тории; вместе с тем они разграничены по характеру суффиксального гласного: редуцированный, краткий, долгий с нисходящей и долгий с восходящей интонацией (помета в скобках в таблице указывает на долготу или краткость корневого слога).

1. Производные от имен типа *b* при общем колебании дают и некоторые диалектные расхождения. При кратком корне последовательное стремление к окситонезе на юге (например, для слова *конецъ* в Курб., Сб. 23, Об., Св.) с образованием новой подвижности на севере, ср.: в Кел. *конѣць* 63, *до конѣа* 27, вин. падеж. мн. числа *по конѣцѣ* 656, *до конѣа* 586, на *конѣць* 656, 786, также и в других рукописях, ср. *до конѣцѣ* Уст. 1246, *до конѣа* Пч. 626, 180 (*до конѣа* 51), в диалект. *конѣем* Заон. К. 40; при долготном корне на севере возможна окситонеза (*белѣць* М. 8, 1906, *к белѣцѣ* М. 8 и др.), на юге — ударение на корне (*бѣлѣць* Воскр. 476, в *бѣлѣцах* Гз. 147 и др.). Положение с долготными корнями вообще сомнительно (мало данных по одному памятнику), но новая подвижность при кратком корне на севере распространяется также на производные от имен типа *c*. Так, слово *сердце* в Псл. дает следующее ударение: *сѣрдце* 38, 115, на *сѣрдце* 142, *сѣрдцемъ* 97, 103, в *сѣрдцѣхъ* 56, но от *сѣрдцѣ* 37, *сѣрдцѣ* моего 50 97, въ *сѣрдцѣ* своемъ 13, 15, им. падеж. мн. числа *сѣрдцѣ* 117, *сѣрдѣць* 113, в *сѣрдцѣхъ* своихъ 99. Здесь, как и в слове *солнце* (с возможным ударением на *слѣнце* Леч. 146), развитие подвижности может быть связано с утратой словообразовательных связей с производящим.

2. Производные от имен типа *a* сохраняют накоренное ударение на юге (*дѣбство* Дом. 24, Дс. 696 и косвенные формы), указывая колебание между окситонезой (*дѣбствѣ* Зап. 916, *дѣбствѣ* Сб. О: 107; впрочем, и в Дом. 276 то же ударение) и подвижностью (*дѣбство* М. 264, въ *дѣбствѣ* М. 221) на севере. Вторичная подвижность и в укр. XVII в. (*дѣбствѣ* — въ *дѣбствѣ*). Общая ориентация на подвижность ударения в данных образованиях, характерная для северной зоны, сказывается и на производных от *b* и *c*. В первом случае на севере сохраняется ударение на суффиксе (*торжѣству* Пр. 75, *храбрѣство* Пч. 54, *равѣнство* Зап. 157, Ст. 266, *множѣство* Соф. 4426 при *тѣбржѣству* Ч. 1486, *храборство* Фл. 265, *равѣнство* Гз. 174 в московских текстах), но при утрате редуцированного ударения перемещается к началу слова или развивает подвижность, ср. *сѣбѣство* Зап. 1586, Лет. 39, *сѣбѣством* Зап. 75 и под., хотя уже с XIV в.

находим свойств Ч. 142^а. Сюда же, по-видимому, относится и акцентовка *естеством* Сб. О: 326, совпадающая с ударением в украинских и белорусских памятниках XVII в. и отличная от одновременных им русских *естество* Сб. 23: 646, 91, *естествѣ* Сб. 23: 646, Фл. 1176, *от естества* Фл. 2696; ср. подвижность в с.-в.-р.: *ѣстеству* — *естествѣ* Азб. 19. Производные от имен типа *с* сохраняют окончное ударение при кратком корневом гласном по всей русской территории (*ремесствѣ*, *родствѣ*, *рожествѣ* и под.), окончное же ударение при долгом корневом регистрируется только в с.-в.-р. источниках, ср. *бѣгствѣ* Псл. 1946, род. падеж ед. числа *зѣврствѣ* Пч. 1166, *княжествѣ* Ст. 16, *мужествѣ* Сб. О: 396 (такое ударение сохраняется в современных северных говорах), *мужествѣ* Сб. О: 436, *мужествѣ* Зап. 1406, *мужествѣмъ* Псл. 86, *чувствѣ* Зап. 167, *от богатствѣ* Пч. 556, 586 и др.

3. Возможна подвижность в с.-в.-р. у производных от имен типа *а*, ср. *силнѣ* (жен. род) Соф. 279, Зап. 56, 1736, 193, Нв. 135, *не толь силнѣ* Леч. (*не сильно* Леч. 1456), вин. падеж ед. числа *силну* Нв. 491. Производные от имен типа *б* дают такую же подвижность, но только при кратком корне, ср. с.-в.-р. жен. род *болнѣ* М. 323, Леч. 80 (в ю.-в.-р. *бѣлна* Пв. 127, Сб. 23: 1596 и др., что соответствует фонетическому преобразованию этой парадигмы), *темнѣ* Зап. 506, и др. При долгом корне наблюдается колебание между типами А и В (*крѣсен* и *крѣсѣн* по всей парадигме: общее для всех двусложных положение, связанное с переходом таких образований в класс непроизводных). Производные от имен типа *с* не дают вариаций по диалектным зонам.

4. Подвижность в образованиях от имен типа *а* также наблюдается только на севере: *гладокъ* Сб. О: 1336, *горѣ гладкѣ* П. 126, *глаткѣ* Л. 2576, Леч. 178, мн. *гладки* Леч. 1786, *на гладке* Ск. 3: 16. Производные от *б* при долгом корне дают колебание между А и В в с.-в.-р., ср. *бѣлбкъ* Леч. 94, *з. бѣлбкъмъ* Леч. 71, 956, в *бѣлкѣ личномъ* П. 1956 и *бѣлокъ* Сийск. 190; *желтбкъ* Леч. 946, *ж. желтбкъмъ* Леч. 1276, *желтбкъмъ* Леч. 766, но в Сийск.: *жѣлткъ* 19, *от жѣлтка* 19, *з жѣлткомъ* 19; ср. интересное колебание в Др.: им. падеж ед. числа *торжѣкъ* 318, но вин. падеж. ед. числа в *тѣржѣкъ* 668, что указывало бы на подвижность, если бы мы имели больше примеров такого соответствия (кроме того, диалектная принадлежность писцов Др. неопределенна). По краткосложным у нас мало примеров, такие соотношения, как род. падеж ед. числа *коткѣ* Сб. О: 1526, мн. числа *коткѣ* Ав. 323, но на юге (*подобен*) *кѣткамъ* Св. 2356 следует подтвердить большим числом соответствий, чем это есть в нашем распоряжении. Производные от имен типа *с* в целом сохраняют свой тип В, но в с.-в.-р. источниках наблюдается стремление к подвижности с выделением вин. и дат. падежей ед. числа, ср. им. падеж ед. числа *порошѣкъ* Л. 71, 293, *порошкѣ* Л. 71, но *къ порошку* Л. 3016, также *городбкъ* Д. 1156, в *городкѣ* Д. 98, но в *городокъ* Д. 976, в Соф. соотношение между им. падежом ед. числа *борбкъ* и вин. падежом ед. числа *бѣрокъ* (л. 4386).

5. Примеры данной группы малопоказательны, поскольку производные от имен типа *а* и *б* довольно устойчивы в своих акцентных характеристиках, а подвижность производных от имен типа *с* иногда признается исконной⁶. Тем не менее именно в этом последнем случае оттяжку ударения на предлог демонстрируют только с.-в.-р. рукописи (также Др.) при долгом корне, ср. *на блѣдѣсть* Др. 510, *от гордостѣ* Сб. О: 2736 (*в гордостѣ* Зап. 1146), *за дерзѣсть* Зап. 216, *за скудѣсть* Др. 6926, *за худѣсть* Кч. 3736.

⁶ См.: В. А. Дыбо, Акцентология и словообразование в славянском, «Славянское языкознание», М., 1968, стр. 161.

6. Примеры данной группы очень устойчивы в своей акцентовке и типичны для образований с кратким гласным в суффиксе; таковы же производные на *-от(а)*, *-ов-*, *-ок-*. Они не дают никаких диалектных различий ни в старых текстах, ни в современных говорах. Тип А здесь очень устойчив, ударение типа *грабежъ*, *падежъ*, *платежъ*, *правежъ* встречается до самого конца XVII в., и только потом в московских текстах появляются *падежъ скоту* Дс. 246, *платежъ* Дс. 70, 106 (в том же тексте XVI в. в рукописи Дом. еще старое ударение этих слов), также в комментариях к Уложению по списку 1728 г. (Ул.), ср. *платежъ* 1596, *в платежъ* 156, *в платежахъ* 123, *на правеже* 202, *грабежъ* 2386 (в оригинале основного текста, в старопечатной книге Уложения 1649 г. встречаем исконное ударение этих слов на корне). В целом следует сказать, что образования с кратким суффиксальным гласным стали изменять свои акцентные типы довольно поздно.

7. Производные от имен типа *а* сохраняют исконное ударение на корне, особенно последовательно в с.-в.-р. зоне, ср. в Зап. *быстрина* 1356, *по быстринамъ* 1146, *в рѣчныхъ быстринахъ* 1356, а также современные с.-в.-р. говоры с характерными для них акцентовками *тйшина*, *бйстрина*, *стйрина*. Однако на севере же в качестве вариантного развивается и последовательно окончательное ударение таких слов (ср. у Ломоносова *быстринъ*, *быстринѹ*, *быстринѹю*, вин. падеж. мн. числа *быстринѹ*), например, *тишинѹ* Соф. 2296 (и *тйшина* 956), *тишинѹ* Уст. 316, *въ тишинѹ* Кар. 42. На юге, как можно судить по некоторым данным, оформлялась подвижность (ср. в Шум. *старѣна наша до сихъ мѣсть* 5566, *но из старинѹ* 542, *по старинѹ* 679 и т. д.), которая не стала основным типом акцентовки этого типа впоследствии. Производные от имен типа *с* дают более существенные расхождения. Наряду с сохранением исконного окончательного ударения на юге, на севере при долготном корне возможно двоякое изменение: баритонеза (тип А) или подвижность, ср. *глубина* Сб. 0: 207, Псл. 90, *из глубины* Псл. 1826, М. 136, *глубинѹ* Сб. 0: 238, *въ глубинѹ* Псл. 152, вин. падеж. мн. числа *въ глубины* Псл. 89, *въ глубинахъ* Псл. 876; в тех с.-в.-р. памятниках, которые не отражают *ѡ*, представлена подвижность, ср. *к глубинѹ* Пч. 786, *на глубинѹ* Пч. 27, Соф. 1506 — *от глубѣна богатства* Пч. 1316, *из глубѣны сердца* Соф. 4246; закономерная окситонеза этого слова, хорошо представленная еще Ч., характерна для ю.-в.-р. текстов.

8. Производные от имен типа *а* обычно хорошо сохраняют исконное ударение на корне, и только в с.-в.-р. источниках спорадически появляется окончательное ударение (типа им. мн. *медникѹ* Нв. 392, *возмѣ липникѹ* П. 1976), которое согласуется с данными современных северных говоров (см. *бабникѹ*, *житникѹ*, *праздникѹ* и под. в Пин.). Оконечное ударение на севере становится характерным и для производных от *б* (*грѣшникѹ*, *крупникѹ*, *свинникѹ* и др. в говорах Архангельской обл., например, Пин.), ср.: *грѣшникѹ* Ав. 2666, *кормникѹ* Кор. 2246, *ротникѹ* Кр. 152, *вратникѹ* М. 80 и ю.-в.-р. *кѡрмникѹ* Св. 1226, *рѡтникѹ* Св. 108, *вратники* Каз. 137 и под. Таким образом, производные этого типа выравнивают акцентовку по типу производных от имен типа *с*.

9. Образования с акутовым суффиксом *-ин(а)* дают диалектные расхождения только применительно к производным от *а*, причем очень неустойчиво: подвижность можно предполагать в парадигме, представленной рукописью М., ср. *хизинѹ* 2196 и *в хизинѹ* 246, *нѣ в коей хизинѣ* 328 и *в хизинѣ* 247 — сохранение исконного ударения в сочетании с еровым предлогом. Остальные рукописи указывают исконное место ударения — на корне. Все прочие колебания, как можно проследить по рукописям, не дают диалектных вариаций, но налицо общерусская тенденция к ста-

билизации ударения на корне для всех типов (т. е. для образований от *a*, *b*, *c*), следовательно, парадигма А.

10. Производные с другим акутовым суффиксом, представленным в таблице, отражают противоположную тенденцию общерусского обобщения иктуса; единственно возможным ударением становится ударение на суффиксе (тип Е), ср. в памятниках XVI—XVII вв. *дѣвѣица*, *кислицца*, *маслицца*, *сырица* и др. наряду со старым и исконным для образований от имен типа *a* *дѣвѣица*, *кислицца* и под. Аналогично обстоит дело с другими производными на акутовый суффикс — например, имена на *-ищ(е)* также обобщают ударение на суффиксе. Иной тип обобщения акцентовки у производных на *-ѣн(а)* скорее всего связан с влиянием производных на *-ѣн(а)* (с циркумфлексным суффиксальным слогом). По этой причине довольно рано началось обобщение накоренного ударения в словах типа *рѣдина* В. 307 при исконном *родѣна* (см. *родѣны* «день рождения» Дс. 144) или *хорѣмина* при *храмѣна* или *храминѣ*⁷. Индукция со стороны типа 7 выделила образования типа *родѣна* из числа старых акутовых.

Даже те примеры, которые здесь приведены в качестве иллюстраций, показывают, что все существенные расхождения между диалектами связаны только с производными на еровый суффикс. При этом на севере производные от имен типа *a* дают безразличное колебание между типами А и В, а подвижность образуется в зависимости от характера исконной парадигмы и корневого слога: у производных от имен типа *b* подвижность (тип С) образуется при кратком, у производных от имен типа *c* — преимущественно при долгом корневом слоге. Таким образом, при общей тенденции к подвижности северные говоры отражают зависимость от количества корневого слога, в конечном счете сводящуюся к уже отмеченной тенденции: долгота корневого слога препятствует возникновению накоренного ударения при формировании новой подвижности.

Все вместе указывает на то, что расхождения между диалектными зонами сложились в эпоху падения редуцированных или сразу после нее, расколов восточнославянскую территорию на две части (отмечается первоначальное совпадение севернорусской и теперешней украинской зон в их отличии от центральной зоны). Принцип разграничения устанавливается по характеристике корневого слога: для маргинальных зон существенны количественные различия, центральная зона столь продолжительного разграничения по долготе — краткости не знает. Образования с циркумфлексными суффиксами дают диалектные расхождения, тогда как производные с акутовыми или краткостными суффиксами таких расхождений не знают. Однако интонационные характеристики в данном случае не существенны, потому что расхождения связаны с отталкиванием от других суффиксальных типов (например, окситонеза образований на *-ѣн(а)* или *-нѣк* на севере может объясняться отталкиванием от сходных и генетически родственных акутовых *-ѣн(а)* и *-нѣц(а)*, которые дают баритонезу). Все такого рода выравнивания вторичны и по существу очень поздны, они отражают общерусскую тенденцию к стабилизации ударения в пределах парадигмы и разрушению прежних различий в зависимости от акцентной характеристики производящего слова.

4. Что касается глагольных форм, то исходное акцентное распределение здесь сохраняется наиболее устойчиво. На материале текстов XVI—XVII вв. можно обнаружить некоторый сдвиг в ю.-в.-р. источниках. Рассмотрим его на примере форм настоящего времени.

⁷ См.: В. В. Колесов, Ударение производных имен существительных в праславянском языке, «Советское славяноведение», 1969, 2, стр. 51.

У глаголов прежней парадигмы *b* новое для них окончательное ударение отмечаем в следующих словах и памятниках: *наводитъ* Леч. 636 (*отавдитъ* 396), *отводитъ* Сб. 23: 1706, *прогонимъ* Нв. 440, *водворитъ* Пт. 140, *водворятъ* Об. 160, *любимъ* Зап. 95, *любимъ* Хр. 749, *разгонятъ ихъ* Хр. 673, *преможеши* Пс. 338, *возможеши* Об. 3576 (*мбжеши* 340, 357), *могутъ* Уст. 24, *молиши* Зап. 130, *молишися* Хр. 661, *носиши* Сб. 23: 546, *поносиши* Гз. 43, *побсиши* Пс. 443, *приносиши* Пс. 427, *просиши* Сб. 23: 166, *вопробиши* Гз. 416, *испросиши* М. 289, *проситъ* Хр. 4026, Дом. 586, *просимъ* Нв. 448, *осудиши* Хр. 997, Пв. 72, *судиши* Пч. 1316, *судииши* Пв. 16, *осудитъ* Пс. 441, *судийши* Пч. 1556, *почто ходиши* Хр. 719, Пч. 1436, *хбдятъ* Кар. 188; *хбдятъ* в Книге о ратном строении 1647 г. Хр. Станг признает за экспрессивное⁸, однако вряд ли то же самое можно сказать о всей коллекции примеров.

У глаголов парадигмы *c* новое окончательное ударение отмечено: *дондеже свбратся мяса* Хр. 12, *повелитъ* Пал. 62, *волбчится* Азб. 386, *волбчатъ* Ст. 34, *сволбчатъ* Ст. 156, *волбчатся* Ав. 3196, *ворбтитъ* Леч. 456, *поворбтитъ* Дс. 1656, *ворбтитъ* Св. 253, Хр. 497, Леч. 99, *погубиши* Зап. 1226, *погубитъ* Хр. 901, *мбрит* Зап. 1566, *не обезсрамиши* Зап. 1196, *обесрами* Об. 3466, *посрами* Пс. 114, Дс. 696, *йчите* Соф. 1296.

Таковы отклонения в прежних парадигмах *b* и *c*, которые представлены в памятниках различного происхождения — и северных, и южных. Только в тех случаях, если место написания рукописи удастся определить точно, устанавливаются диалектные расхождения. Тенденция к подвижности обнаружилась довольно рано, но представлена она только с.-в.-р. рукописями и рукописями, написанными в Москве. Сдвиг ударения к корню (т. е. выравнивание по типу *b*) наблюдается в рукописях, написанных в разных районах, но очень редко и довольно поздно (в Ч. такие примеры еще не представлены, тогда как выравнивание по подвижному типу там можно проследить, например, по акцентовке *преломитъ* 73^a, *възлюбии* 124^a, *могутъ* 66^b, *носиши* 105^a). Однако и с.-в.-р. источники не однообразны в этом отношении. Материал показывает⁹, что стабилизация ударения на корне — типично ю.-в.-р. особенность ударения — характерна только для заонежских (акающих) и северо-восточных (печорских) рукописей; в архаичных с.-в.-р. говорах устанавливается подвижность нового типа (с окончательным ударением в форме 1-го лица ед. числа. не *жйву* — *живётъ* — *живетё*, а *живу*, *живётъ*, *живетё*). В этой подвижной парадигме совпадают прежние типы *b* и *c*. Таким образом, отличие глагольных акцентовок заключается в относительно позднем диалектном расслоении и в большем разнообразии акцентовок у конкретных глаголов. Вместе с тем на севере развитие продолжается в сторону подвижности, тогда как на юге преобладает неподвижность разного типа¹⁰.

5. Следует отметить еще две особенности с.-в.-р. акцентованных рукописей. Во-первых, в них распространено употребление двух знаков ударения над одной словоформой, что для ю.-в.-р. источников не характерно. Дублетность знаков не имеет никакого отношения к аналогичным

⁸ Ch r. S. St a n g, La langue du livre «Учение и хитрость ратнаго стрения пѣхотныхъ людей. 1647», Oslo, 1952, стр. 63.

⁹ См.: В. В. Колесов, Различительные особенности языка и письма в севернорусских рукописях из собрания Пушкинского дома, «Рукописное наследие Древней Руси», Л., 1972, стр. 364—365.

¹⁰ Систематизированный материал по современным говорам см.: А. А. Данилов, Об особенностях словесного ударения в русских народных говорах. КД, Л., 1968; В. В. Колесов, Ударение в пинежских говорах, «Севернорусские говоры», 1, Л., 1971; С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, Очерки морфологии русских говоров, М., 1972.

приемам южнославянских рукописей более раннего времени: в с.-в.-р. рукописях ударение никогда не обозначается более двух раз (тогда как в южнославянских источниках находим три-четыре знака над словоформой) и позиционно ограничено либо предударным (и вместе с тем предконечным) слогом, либо новозакрытым конечным слогом слова, ср.: в Пч. — *бывають хитры* 4, *тая власть крѣпка* 148, *збѣд* 1156, *того ради крѣла дана суть птицам* 149, *по живѣтъ страстьми* 182, *имѣли* 1116, *а нѣзѣ смѣшино прѣходита* 836, *по вѣлы его* 143, *своими мѣжы* 19, *красѣту* 826 — *храбѣръ* 128 (*храбѣръ* 145), *в триехъ нѣждахъ* 1786, *толстымъ ебрѣмъ* 65, *напѣсть* 80, *обычай* 154, *родителѣй* 155, *блѣдникъ* 1856, *стрѣноу* 46; также в М. — *принести вѣды* 202, *в рай* 70, *в единомъ углѣ* 1276, *чрѣвъ их* 70, *збирати дрѣва* 72, *чрѣвѣмъ* 3216, *крѣглу браду* 726, *четырьмъ* 317, *слѣжѣ* 164 и др. — *мѣжѣ* 1326, 305, *рачителѣй* 15, *похвала дѣлателѣмъ* 3366 и т. д. Таким образом, с.-в.-р. рукописи показывают иктическое взаимодействие двух последних слогов слова: ударение предконечного слога и долгота конечного или долгота предконечного слога и ударение конечного, т. е. — — или — —. Аналогичную неопределенность иктуса (на конечном или предконечном слоге слова) наблюдатели отмечают и в современных с.-в.-р. говорах, смешивая собственно иктические и количественные характеристики с.-в.-р. ударения. По справедливому замечанию А. В. Исаченко, «наличие в двусложном слове двух несущих иктус слогов равнозначно отсутствию собственно иктуса»¹¹. Совмещение количества и иктуса в одной просодической единице и вызывает ошибки в определении места словесного ударения (в том числе и у средневекового писца). Выделение предконечного слога характерно и для других типов рукописей с с.-в.-р. типом акцентуации¹². Мы могли бы говорить о позиционной долготе предконечного слога, если бы не четкая зависимость между двумя последними слогами слова; создается впечатление, будто происходит постоянное просодическое взаимодействие этих двух слогов.

Другая особенность касается оттяжки ударения к началу слова. Она не имеет места, если префикс включал в себя еровый гласный, но еровый предлог сохраняет старое ударение словоформы: в Уст. *звонити в тяжкая* 1606, *но звонити во вся тяжкая* 92, в Сийск. *со лнянымъ масломъ* 18, *но с масломъ лнянымъ* 20 и т. д.¹³

Такое противопоставление встречается только в памятниках, составленных или переписанных на территории распространения с.-в.-р. говоров (Ав., В., Зап., Леч., М., Нв.), совсем не отражаясь в рукописях с ю.-в.-р. особенностями (Дом., Об., Пал., Курб., Гз., И.) И в более позднее время обнаруживается противопоставление западных с.-в.-р. говоров восточным: последние не регистрируют оттяжек ударения на предлог, избегают акцентовок типа *пѣ ряду*, *на землю*¹⁴. Такое разграничение совпадает с двумя различными струями колонизации Севера — новгородской и ростово-суздальской. В самих ю.-в.-р. говорах, где подвижность всякого типа устраняется, оттяжки ударения на предлог ограничены некоторыми наречными сочетаниями¹⁵. Вместе с тем ни для с.-в.-р.,

¹¹ A. V. Isačenko, Zum phonologischen Deutung der Akzentverschiebungen in den slavischen Sprachen, TCLP, VIII, 1939, стр. 181.

¹² См.: В. В. Колесов, Об одной древнерусской диалектной системе ударения, «Вестник ЛГУ», 8, 2, 1965.

¹³ См.: В. В. Колесов, Ударение в древнерусском сочетании с «еровым» предлогом, ВЯ, 1966, 6.

¹⁴ См.: В. В. Колесов, Различительные особенности языка и письма..., стр. 362—363.

¹⁵ См.: А. А. Данилов, Об особенностях словесного ударения..., стр. 127—171.

ни для ю.-в.-р. оттяжка ударения на еровый предлог типа *вб голову* или *кб зиме* нехарактерна; такие акцентовки либо аналогического происхождения, либо заимствованы из литературного языка. И в этом случае мы вновь сталкиваемся с хронологическим пределом утраты редуцированных, ниже которого современное диалектное членение в русском языке не прослеживается.

На севере, наоборот, подвижное ударение — существенная характеристика иктуса уже с древнейших времен, что особенно четко выражено в ударении непроизводных (фонетически — слов с малым количеством слогов). Исконные парадигмы *a*, *b*, *c* совпадают здесь в общем типе с с новым характером подвижности.

С точки зрения теории оппозиций нейтрализация противопоставления совершается в пользу немаркированного члена. Следовательно, в древнерусском противопоставлении (применительно к долготным корням) «рецессивная акцентная парадигма (*c*) ~ устойчивая акцентная парадигма (совместно *a* и *b*)» маркированным членом являлась акцентная парадигма с фиксированным на определенной морфеме иктусом. Такое положение было свойственно большинству древнерусских говоров и сохранялось вплоть до XVIII в. В говорах же северного типа обнаруживается утрата этого противопоставления. Совпадение всех акцентных парадигм в подвижной с изменением в ударении отдельных словоформ указывает на нерелевантность иктической характеристики парадигмы, на то, что в северных говорах иктус не имел фонологического значения; на это же указывает и ориентация производных на акцентные типы подвижного класса. Отсутствие противопоставления по иктическому признаку выражается в обобщении немаркированного члена возможной в прошлом оппозиции. Вместо иктуса на севере на протяжении длительного времени оказался релевантным другой просодический признак — количество.

Приведенные здесь сопоставления в целом указывают на важные просодические отличия с.-в.-р. говоров от ю.-в.-р., восходящие к древнерусской эпохе. Необходимы детальные монографические описания с.-в.-р. памятников и говоров, которые дадут материал для более конкретных суждений о диалектных просодических признаках. Это тем более важно, что диалектные фонологические и морфонологические системы определяются в конечном счете просодическими различиями: на севере иктус — характеристика *с л о в о ф о р м ы*, на юге же он все более становится характеристикой *с л о в а*. На юге раннее формирование корреляции по мягкости — твердости устранило все просодические признаки, кроме иктуса, на севере же длительное сохранение количественных противопоставлений явилось одной из причин, препятствовавших формированию этой корреляции.

Использованные материалы и принятые сокращения

Северные рукописи: Ав. — Автограф Жития Аввакума, XVII в., БАН, собр. Дружинина, 746; В. — Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря, начало XVII в., ГПБ, Кирил. — Белоз. 78/1317; Д. — Житие и хождение игумена Даниила, XVII в., БАН, собр. Нефедова, 3; Зап. — Записная книжка монаха конца XVI в., ГПБ, Q. XVII. 67; Кар. — Сборник XVII в., ИРЛИ, Карельское собр., 6; Кор. — Хождение Трифона Коробейникова, XVII в., ИРЛИ, УЦ № 6; Кар. 1 — Сборник XVII в., ИРЛИ, Карельское собр., 1; Кел. — Книга келейного и путного правила, 1527 г., ГПБ, F. I. 147 (1 том); Кр. — Сборник XVII в., ИРЛИ, Карельское собр. 10; Кч. — Кормчая 1517 в., ГПБ, F II. 74; Лет. — Летописец XVII в., БАН, Тек. пост., 608; Леч. — Лечебник XVII в., ГПБ, собр. Колобова, 649; М. — Минея середины XVII в. (из собрания автора); Нв. — Новгородская летопись, начало XVII в., БАН 34.4.32; Пр. — Пролог конца XVI в., ГПБ, Софийское собр., 1424; Псл. — Псалтирь XVI в.,

ГПБ, Ф. 1.7; Пч.— Пчела, 1460 г., ГПБ, Кирил.-Белоз., 114/1191; Сб. О — Сборник XVI в., ГПБ, Софийское собр., 1460; Сим.— Симеоновская летопись, XVI в., БАН, 16.8.25; Соф.— Софийская первая летопись, XVI в., БАН, 34.2.31 (переписана в Вологде с московского оригинала); Ст.— Сборник XVII в., БАН, 21.7.8; Уст.— Жития устюжских чудотворцев, XVII в., БАН, 45, 10.2; X.— Хронологический том Лицевого свода XVI в., БАН, 17.17.9; Хр.— Хронографический сборник XVI в., ГПБ, Погодинское собр., 1404^a.

Южные рукописи: Ас.— Сборник Антониево-Сийского монастыря, XVII в., ИРЛИ, Мезенское собр., 3; Гз.— Сборник XVII в., БАН, 17.5.27; Дом.— Домострой, XVI в., ГПБ, Q. XVII. 149; Дс.— Домострой, XVII в., ГПБ, XVII 63; И.— «Книга историкъ», XVI в., ГПБ, Софийское собр., 1421; Каз.— Казанская история, XVII в., ГПБ, Q. IV.170; Курб.— История... А. М. Курбского, XVII в., ГПБ, Q. IV. 54; Об.— Обиходник, конец XVI в., ГПБ, Софийское собр., 1516; Пал.— История... Авраамия Палицына, XVII в., ГПБ, Q. IV. 352; Пв.— Сборник XVII в., ГПБ, Погодинское собр., 1611; Пс.— Псалтирь XV в., ГПБ, Погодинское собр., 86; Св.— Стоглав, 1645 г., ГПБ, Q. II. 102; Ск. 3— Сборник XVII в., ГИМ, 1933; У. и Ул.— Уложение 1649 г. в списке 1728 г. с добавлениями, ГПБ, Ф. II. 11; Фл.— История... Иосифа Флавия, XVII в., БАН, Арханг. Д. 447; Ч.— Чудовский новый завет, 1355 г (по изданию: Новый завет., М., 1892).

Рукописи неопределенного происхождения: Азб.— Азбуконик XVII в., ГПБ, Q. XVI. 2; Воскр.— Воскресенская летопись, XVI в., ГПБ, F. IV. 678; Др.— Летописец Древний (II том), XVI в., БАН, 31.7.30; Л.— Лечебник XVII в., ГПБ, Собр. Тиханова, № 697; Лапт.— Лаптевский том Лицевого свода, XVI в., ГПБ; F. IV. 233; И.— Иконописный подлинник, XVII в., ГПБ, Q. XVII. 37; Пт.— Псалтирь XVI в., ГПБ, Софийское собр., 69; Сб. 23— Сборник XVII в., ГПБ, Ф. XVII. 23; Сг.— Стоглав, XVII в., ГПБ, Q. II.80; Сийск.— Сийский иконописный подлинник, XVII в. (по кн.: «Памятники древней письменности и искусства», XVI, СПб., 1909); Шум.— Шумиловский том лицевого свода, XVI в., ГПБ, F. IV, 232.

Диалектные материалы: Атл (ас) — «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», М., 1957; Бел.— Сказки М. М. Коргуева (Беломорье), кн. I, Петрозаводск, 1939; Белоз.—Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, СПб., 1915; ДК — «Труды московской диалектологической комиссии» (в скобках — номер выпуска); Зал.— Р. И. Аванесов, О говоре Переславль-Залесского уезда Владимирской губ., «Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9, 1927; Заон. К. и Печ. К.— «Сказки и предания Северного края», М.— Л., 1934 (записи в Заонежье и на Печоре); Мат.— Материалы по русским народным говорам в Изв. ОРЯС и Сб. ОРЯС (в скобках — номер выпуска); Новг.— В. Ф. Соловьев, Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губ., Сб. ОРЯС, 77, 1904; Перм.— Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Пермской губ., Пг., 1914; Пип.— В. В. Колесов, Ударение в пинежских говорах, «Севернорусские говоры», I, Л., 1972; Пск.— Картотека Псковского областного словаря при Ленинградском университете; Пуд.— В. Мансикка, О говоре северо-восточной части Пудожского уезда, ИОРЯС, XIX, 4, 1914; Т.— диалектные материалы по тульскому говору в диссертации А. А. Данилова «Об особенностях словесного ударения в русских народных говорах», Л., 1968.